

нисколько не устарело для французских читателей 1730 года. В тот год, когда Тредиаковский прибыл в Париж, интерес к галантным аллегорическим повестям с античным колоритом пробудился снова, благодаря появлению поэмы в прозе Шарля Монтескье «Книдский храм» (1725), в которой будущий автор «Персидских писем» и «Духа законов» выступил как изобразитель садов и нимф острова Книд. Мадам Дюдефан назвала поэму молодого Монтескье «апокалипсисом утонченной любви» («l'apocalypse de la galanterie»).²⁰ По своему содержанию, по лиризму и красочности описаний «Книдский храм» оценивался современниками как подражание самому поэтическому эпизоду из «Приключений Телемака» Фенелона — о пребывании Одиссея на острове нимфы Калипсо.²¹

В это время спор новых и древних — о преимуществе античной или современной литературы — уже закончился победой сторонников новых, но одно из ответвлений этого спора — дискуссия о равноправии стиха и прозы в поэзии — еще продолжалось.

Одним из самых убежденных сторонников «поэзии в прозе» был Фенелон; в своем «Письме в Академию» и в «Диалогах о красноречии» он отрицал рифму и указывал, что поэзия вполне возможна без стиховой формы, приводя в качестве примера Библию. Критическое обсуждение «Похождений Телемака» в первом полном издании 1717 года во французской критике закончилось единодушным признанием равноправия прозаической поэзии и устарелости поэзии стихотворной. Известный теоретик искусства, аббат Дюбос и Монтескье в «Персидских письмах» также отрицали необходимость стиховой поэзии. А Удар де Ламот переложил в прозу одну сцену из трагедии Расина «Митридат» и свою собственную трагедию «Эдип», чтобы практически доказать превосходство прозы над стихом. Однако и стихотворная поэзия имела сильных защитников. Одним из них был Вольтер, не признававший поэзии без стиха и называвший теорию Ламота «опасной и нелепой» (absurd); он утверждал, что Фенелон и Монтескье так низко оценивали стихи главным образом потому, что были неспособны их писать.²²

В основной литературной работе Тредиаковского, сделанной за границей, в его переводе книги Тальмана совместились разнообразные литературные впечатления 1727—1730 годов. Под влиянием споров о прозаической поэзии, в свете успеха «Книдского храма» Монтескье Тредиаковскому легко могло показаться вполне своевременным ознакомить русского читателя с популярной книгой

позднейшая перепечатка в многотомном издании «Voyages imaginaires», t. XXVI, Amsterdam, 1788.

²⁰ Mich eau. Biographie universelle, t. XXIX. Paris, p. 81.

²¹ V. Clayton. The prose poem in French literature of the eighteenth century. New York, 1936, pp. 23—25.

²² Там же, стр. 155.